

С. Л. ЛУГОВЦОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕНАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1820—30-е гг. ГЛАЗАМИ ЦИПРИНУСА

Выпускник Виленского университета Осип Пржещлавский сумел сделать блестящую карьеру от секретаря уездного предводителя дворянства Слонимского уезда до члена Главного управления цензуры Российской империи. О. Пржещлавский лично столкнулся с работой 1-го департамента Сената. Он считал, что сенаторы были перегружены работой, не были подготовлены к возложенным на них обязанностям; отсутствие свода законов и постоянного контроля за деятельностью сенатских чиновников способствовало злоупотреблениям и взяточничеству в их среде.

The graduate of Vilnius University Józef Przecławski made an impressive career starting out as a secretary of the Slonim noblemen's leader and ascending all the way to the member of the supreme censorship leadership of the Russian Empire. Przecławski faced personally with the work of the 1st Senate's Department. He believes that the senators were overworked, were not prepared for their duties; the absence of code of laws and constant control over the activities of Senate's officials in Russian Empire contributed to the abuse and bribery in their environment.

Ключевые слова: Сенат; департамент; законодательство; чиновники; герольдмейстер.

Keywords: Senate; Departments; legislation; officials; King-of-Arms.

Деятельность Сената Российской империи в 1820—30-е гг. отражена в мемуарах уроженца Гродненской губернии Юзефа Пшещлавского (Józef Przecławski), вошедшего в историю под русифицированным именем Осипа Антоновича Пржещлавского (1799—1879).

О. Пржещлавский — переводчик, журналист и редактор. Почти 30 лет он руководил крупнейшей польскоязычной газетой в Российской империи «Tygodnik Petersburski», вокруг которой объединились лучшие силы польской литературы. Выпускник Виленского университета сумел под-

няться по служебной лестнице от секретаря уездного предводителя дворянства до члена Главного управления цензуры Российской империи, был награжден различными орденами, включая орден Белого орла, и ушел в отставку в чине тайного советника. Но не высокие чины и награды определяют интерес читателя к воспоминаниям О. Пржецлавского в XXI в., а его наблюдательность, точные характеристики персонажей, широчайшая эрудиция, позволявшая автору непринужденно сыпать цитатами из произведений Бальзака или проводить параллели с событиями античной истории. Размышления Пржецлавского заставляют задуматься о добре и зле в каждой человеческой душе, возможностях ее духовного роста. «Кто пожил на свете и наблюдал, тот знает, что благодарность есть редчайшее из человеческих качеств... Все так себя настроили, что всякие удачи приписывают одним себе, своим достоинствам, неудачи же сваливают на других», — подобные наблюдения щедро рассыпаны по тексту воспоминаний [14, с. 107]. Соприкосновение с размышлениями автора — удовольствие для читателя, равнодушного к сюжетам российской истории первой половины XIX в. Задача такого читателя в настоящее время значительно упрощается. Мемуары О. Пржецлавского, опубликованные в 1870-е гг. в «Русском архиве» и «Русской старине», были собраны белорусским исследователем А. Федутой [13], а в 2012 г. вышли отдельным изданием с предисловием и научным комментарием.

О. Пржецлавский был одним из тех выходцев бывшего Великого княжества Литовского, кто сделал свой выбор в пользу имперской службы, интегрировался в российское общество. Для соотечественников его позиция оказалась неприемлемой. Особенно остро лояльность Осипа Антоновича к российской власти воспринималась выходцами из Речи Посполитой (РП) после подавления восстания 1830—1831 гг. В 1833 г. эмигрантский трибунал в Париже приговорил его к смерти и осуществил символическую казнь над его портретом [15, с. 297]. С другой стороны, воспоминания Ципринуса¹ были негативно восприняты в российском обществе. На редактора П. И. Бартенева обрушился поток писем раздраженных читателей «Русского архива». Что вызвало их гнев? Характеристика пьяницы и взяточника, данная Ципринусом одному из высших сановников Российской империи Н.Н. Новосильцеву; эпизод, демонстрирующий, что уровень образования А. Мицкевича был выше,

¹ *Cyprinus* — латинское название рыбы семейства карповых. Выбор псевдонима объясняется изображением рыбы на гербе рода Пржецлавских [18, с. 228].

чем А. Пушкина; рассказ о грабежах казаков на территории Слонимского уезда Гродненской губернии в 1812 г. [1, стлб. 1054, 1055]. И хотя Бартенев заявил, что не считает нужным опровергать рассказ Пржецлавского о Пушкине, «ибо каждый русский читатель хорошо понимает, что при всей учености Мицкевича, в большинстве произведений своих он относится к Пушкину, как горячечный бред к трезвой действительности» [2, стлб. 638], статьи под лозунгом «Анти-Ципринус» появились в «Русском архиве» уже в 1872 г. и вошли в большинство номеров 1873 г.

В частности, П. А. Вяземский опубликовал в собственной редакции текст статьи Мицкевича о Пушкине, изданной на смерть поэта в мае 1837 г. [4, стлб. 1062—1070]. Многостраничная статья П. В. Кукольника имела целью восстановление репутации Н. Н. Новосильцева. В ней бывший профессор Виленского университета хвалебно отзывался о деятельности Новосильцева в качестве попечителя Виленского учебного округа, отрицал пьянство попечителя, не сомневался, что общества филаретов и филوماتов представляли серьезную угрозу российскому присутствию в крае, и ставил их разоблачение в заслугу имперскому чиновнику. По мнению Кукольника, после раскрытия тайных обществ и наказания виновных начался «самый блистательный период существования Виленского университета» [8, с. 221]. Председатель Киевской археографической комиссии М. Юзефович на страницах «Русского архива» обвинил О. Пржецлавского в стремлении «ослабить ответственность своих соплеменников» в подготовке антироссийских восстаний и в поддержке догмата «шляхетской исторической непогрешимости» [23, стлб. 0201].

Острота полемики вокруг мемуаров О. Пржецлавского в значительной мере объясняется той общественно-политической обстановкой, которая сложилась в империи после подавления восстания 1863—1864 гг. Именно в этот период в российском обществе окончательно складывается представление о Северо-Западном крае как об исконно русской земле, принадлежащей России по историческому и государственному праву. Многие читатели «Русского архива» лично участвовали в подавлении восстания, работе новых государственных учреждений, сформированных в крае в результате реализации крестьянской реформы. Они чувствовали себя ответственными за сохранение этих территорий в составе России [9, с. 63]. В такой обстановке редактор «Русского архива» резко отмежевался от текстов мемуариста. Он не только не дал Пржецлавскому возможности ответить на страницах журнала на многочис-

ленные выпады в его адрес, но и выступил с рядом собственных критических замечаний, завершив их ударом «ниже пояса». Бартенев заявил, что опубликовал воспоминания Ципринуса с целью научить русского читателя распознавать врага под личиной друга, на собственном опыте почувствовать, «как легко поддаться влиянию отравы, когда она подносится в таком изящном замаскированном рецепте, с таким очаровательным ароматом откровенности» [1, стлб. 1057].

Мемуары Ципринуса свидетельствуют, что центром его Вселенной оставалась историческая Литва, где сформировалось его мировоззрение. На разломе двух исторических эпох литвин по рождению, поляк по языку и воспитанию О. Пржецлавский сделал выбор в пользу Российской империи и остался чужим для русских и предателем для соотечественников [20, с. 23]. Его судьба перекликается с судьбами белорусов самых разных исторических эпох. Всматриваясь в личность О. Пржецлавского, мы ищем ответы на вопросы: кто мы, куда идем, к какой принадлежим цивилизации?

В 1818 г. по окончании Виленского университета О. Пржецлавский занял должность письмоводителя слонимского уездного предводителя дворянства [14, с. 110]. В мае 1822 г. случилось обстоятельство, заставившее его выйти в отставку. Это было известие, полученное его дядей Фердинандом Боржимовским, о рассмотрении в высших имперских инстанциях дела, угрожавшего дяде лишением состояния. В это время Петербург, высшие правительственные и судебные учреждения, по мнению мемуариста, были для Литвы *terra incognita*. Главной причиной, по которой в эту неизвестную страну отправился молодой и неопытный человек, каким являлся Ципринус, было знание им русского языка [17, с. 43]. Пржецлавский утверждал, что едва мог претендовать на звание самоучки-дилетанта. Беспокоясь, что объем знаний не позволит справиться с поручением, молодой человек пытался отказаться от его выполнения. Однако мать Пржецлавского приказала ему бросить службу и ехать в Петербург спасать дядю. «Для меня это приказание, — признается мемуарист, — не допускало никаких отговорок; скрепя сердце я тотчас занялся приготовлением к отъезду» [17, с. 44].

Обстоятельства, положившие начало петербургскому периоду жизни Ципринуса, были следующими. Ф. Боржимовский по просьбе приятеля своего отца, некоего помещика П. (так обозначил его автор мемуаров), подписал документ о предоставлении своего имени в качестве залога для обеспечения подряда на поставку провианта для российских войск.

Дядя Пржещлавского не разбирался в том, что такое подряд и залог, считал выполнение просьбы дружеской услугой, которая не может иметь негативных последствий. Однако через полтора года стало известно, что имению угрожает конфискация. Подрядчики, помещики П. и С., получили задаток от казны, но свои обязательства не выполнили. Выяснилось, что П. обратился к Боржимовскому, когда дело уже поступило для рассмотрения в Государственное управление ревизии государственных счетов (далее — Государственный контроль. — С. Л.). Дядя Пржещлавского оказался в положении человека, вынужденного доказывать свою невиновность, и обратился за помощью к племяннику. Осип Антонович стремился обнаружить в российском законодательстве такой закон, в котором бы ясно говорилось, что взыскание на имение Ф. Боржимовского может быть наложено только в том случае, если стоимость имений подрядчиков будет недостаточной для удовлетворения претензий казны [17, с. 44—46].

В 1820-е гг. в Российской империи отсутствовал свод законов, важнейшая работа по кодификации законодательства будет осуществлена в царствование Николая I. Не было возможности найти необходимый закон и в библиотеке. Императорская публичная библиотека представляла собой книжное собрание польских ученых и политических деятелей братьев Юзефа и Анджея Залуских, вывезенное из Варшавы в Санкт-Петербург по приказу Екатерины II [6, с. 3—7]. Собрание включало ценные рукописи и печатные книги на латыни, польском, французском и других европейских языках. Каталог Императорской публичной библиотеки не был составлен. Существовали лишь отрывки старых каталогов, которые не облегчали положение читателя, так как никто из библиотекарей не умел читать по-польски [17, с. 63]. По распоряжению Александра I от 14 октября 1810 г. библиотека должна была получать по два экземпляра всех книг, издаваемых в типографиях империи [10, с. 9]. Однако и это распоряжение не превратило ее в место, где желающий имел бы возможность вникнуть в хитросплетения российского законодательства.

В Санкт-Петербурге отсутствовали адвокаты, но существовали так называемые «ходатаи по делам», один из которых подсказал О. Пржещлавскому, что необходимый закон может быть обнаружен в уставе Камер-коллегии Петра I. Месяцы потратил мемуарист на поиски, пока не сумел обнаружить закон в одном из углов сенатской лавки под стопками печатной продукции. В уставе ясно говорилось: «В случае взыскания за неисправность по казенным подрядам, взыскание обращается спер-

ва на имущество самих подрядчиков, сколько бы их ни было, и только тогда, когда все их имущества в совокупности окажутся недостаточными, то остальное количество казенной недоимки взыскивается с имущества посторонних лиц, находящихся в числе залогов» [17, с. 47]. На основании названного положения Пржецлавский подготовил прошение в Государственный контроль с целью освободить имущество дяди от грозившего ему взыскания. Длительный период, понадобившийся для поисков устава Камер-коллегии, мемуарист использовал для установления близких контактов с влиятельными лицами ведомства, включая самого государственного контролера барона Б. Кампенгаузена, о честности и неподкупности которого в петербургском обществе ходили легенды. Каким же образом удалось это осуществить молодому человеку, недавно прибывшему из литовской провинции и ограниченному в средствах?

Во-первых, он всегда мог обратиться за помощью к близкому другу своего отца — Антония Пржецлавского — члену Государственного совета Российской империи В. С. Ланскому. Во-вторых, направляясь в столицу, Осип Антонович получил два рекомендательных письма к лицам, имевшим высокое положение при дворе, от советника наместника Царства Польского Н.Н. Новосильцева. Близкому знакомству молодого секретаря уездного предводителя дворянства и блестящего сановника империи поспособствовал «его величество случай». Новосильцев являлся арендатором Слонимской экономии и часто посещал местного уездного предводителя Броньского, у которого работал Пржецлавский. Отправляясь в Петербург, он также запасся рекомендациями от масонской ложи, членом которой являлся [17, с. 44]. Автор мемуаров упоминает о своем участии в деятельности лож как о чем-то само собой разумеющемся. На самом деле масонский путь Пржецлавского без преувеличения можно назвать исключительным. В общество принимали не ранее 24 лет. Осип Антонович был принят в новогрудскую ложу «Узел единства» по предложению ее главы Адама Солтана восемнадцатилетним юношей [17, с. 83], а в 20 лет его возвели во вторую степень [22, с. 57, 61]. Когда в 1826 г. по требованию Николая I все чиновники Российской империи представили сведения, к каким тайным обществам они когда-либо принадлежали, выяснилось, что во всем аппарате Министерства внутренних дел, где в то время работал мемуарист, он один был масоном. «И начальники, и товарищи стали смотреть на меня как на какое-то таинственное существо, не имеющее с ними ничего общего», — отмечает Пржецлавский [17, с. 81, 82]. Можно сказать, что для профанов члены лож действительно

были существами инопланетными. Буквально понимая обязанность взаимной помощи, масоны переносили ее в область служебных и деловых отношений. Ципринус утверждает, что фамусовское правило «как не порадеть родному человечку» получило обширное применение среди членов ордена. Причем после запрещения лож в 1822 г. прежняя солидарность среди членов ордена сохранилась [17, с. 57]. Усилия О. Пржецлавского по делу его дяди принесли свои плоды. Генерал-контролер военно-счетного отделения Лагода вынес решение в пользу Ф. Боржимовского, государственный контролер Российской империи Б. Кампенаузен утвердил принятое решение. В установленном порядке дело было передано в 1-й департамент Сената для вынесения окончательного вердикта [17, с. 47].

В рассматриваемый период Сенат представлял собой совокупность 10 номерных департаментов, скрепленных главенством генерал-прокурора. 1-й департамент осуществлял надзор за центральными и местными учреждениями и ведал обнародованием законов; 2—4-й и 7—9-й департаменты были высшими апелляционными инстанциями по гражданским делам (каждый для отдельной группы губерний); 5-й, 6-й и 10-й департаменты — по уголовным. Кроме того, в состав Сената входили межевой департамент и герольдия. Названные подразделения, а также департаменты с 1-го по 5-й находились в Санкт-Петербурге, 6—8-й размещались в Москве, а 9-й и 10-й — в Варшаве. Во главе каждого департамента стоял обер-прокурор [5, с. 155, 156]. Согласно указу от 8 сентября 1802 г. решения в департаментах принимались единогласно, в случае разномыслия обер-прокурор должен был убедить «всех к единогласному решению» [7, с. 242]. Если даже один сенатор высказывался против, решение принималось на общем собрании Сената большинством в две трети голосов. Дело Ф. Боржимовского рассматривалось в 1-м департаменте, так как речь шла о задолженности перед российской казной. Пытаясь получить положительное решение по делу дяди, О. Пржецлавский предварительно выяснил «механизм» работы Сената. Он оставил следующую характеристику высшего государственного учреждения Российской империи в 20-е гг. XIX в.: «Это были разделенные на департаменты группы лиц вполне заслуженных из разных ведомств, лиц, большею частью очень почтенных, но утомленных службою до полной апатии, и, с весьма немногими исключениями, дряхлых старцев. Притом же очень немногие имели если не теоретическую, то хотя практическую подготовку к занимаемому ими судейскому званию.

Почти половина сенаторов были заслуженные военные генералы, которым по каким-либо причинам не предстояла дальнейшая военная карьера; другую половину составляли личности знатного рода, составившиеся гражданские губернаторы и т. п. В таком составе нельзя было требовать от членов Сената, чтоб они вникали в дела как бы следовало; поэтому все зависело от доклада, который читали и на словах объясняли обер-секретари согласно тому, как были задобрены той или другой из сторон; они-то и были *de facto* судьи, хотя и не облеченные в это звание, а потому не несущие даже моральной ответственности за решения. Они, не краснея, торговались с заинтересованными сторонами; более дающему обещали несомненный выигрыш, и в какой-нибудь десяток лет наживали громадные состояния» [17, с. 48].

Ципринус добавляет, что 1-й департамент Сената был «завален таким множеством дел», что сенаторы были просто не в состоянии в них вникать [17, с. 54]. Его слова подтверждают беспристрастные статистические данные. По штату 1819 г. в 1-м департаменте состояло 126 человек, при этом входящих документов насчитывалось в 1825 г. 14 634, в 1826 — 15 121, в 1827 — 18 118, а в 1828 г. — уже 20 032 [7, с. 264, 265].

Скептически относился к возможности Сената выносить справедливые решения еще один петербуржец, уроженец Минщины, известный издатель, журналист, писатель Ф. В. Булгарин. В 1820-е гг. Фаддей Венедиктович также выступил в качестве поверенного по судебному процессу своего двоюродного дяди П. Булгарина [21, с. 14]. Согласно указу 6 января 1809 г. апелляционные дела по гражданским искам из Киевской, Волынской, Подольской, Минской, Виленской, Гродненской, Витебской, Могилевской губерний и Белостокской области были отнесены к ведению первого отделения 3-го департамента Сената [11, т. 30, № 23 436]. Издатель «Северной пчелы» характеризовал этот департамент как «золотой рудник», а обер-секретаря департамента Н. М. Попова как «первого взяточника Сената», утверждая, что последний купил себе место секретаря в «верховном месте империи» [3, с. 379]. По делу П. Булгарина Попов сумел получить около 40 тыс. р. со всех заинтересованных сторон, показывая каждому из заявителей доклад дела, составленный в его пользу. Однако тайна была раскрыта, поверенные узнали друг от друга, что все они были обмануты. Возмущенный бесстыдством взяточника, адъютант герцога А. Вюртембергского А. А. Бестужев летом 1824 г. пригрозил Попову, что о его деятельности станет известно великому князю Николаю Павловичу. И хотя угроза возымела действие, обер-сек-

ретарь и тут не постеснялся выторговать для себя более выгодные условия. Он вернул Булгарину 5 тыс. р., что составляло лишь половину суммы, полученной от него в качестве взятки [3, с. 379, 380]. Добавим, что денежное содержание сенатских служащих не повышалось более полувека. Материальное обеспечение, положенное по штатам Екатерины II 1763 г., было резко увеличено по настоянию министра юстиции только в 1818 г. По новым штатам обер-прокуроры получали 6 тыс. р., а обер-секретари — 3 тыс. р. в год [7, с. 262—264]. Таким образом, взятка Попова, полученная от тяжущихся сторон по одному только делу, более чем в 13 раз превышала годовое жалованье.

Взятничество было одной из причин, тормозивших работу Сената. Вторая причина — нехватка квалифицированных кадров для осуществления его жизнедеятельности. Несмотря на то что 3-й департамент Сената по штату 1819 г. занял первое место среди других департаментов по числу служащих (165 человек), их количество было явно недостаточным для рассмотрения апелляционных дел [7, с. 284]. Не только выходцы с территории бывшего ВКЛ, но и петербургское общество в целом невысоко оценивало результаты реформирования Сената Александром I, о чем свидетельствует анонимная эпиграмма первой половины XIX в.: «Лежит Сенат в пыли, седым покрытый мраком. “Восстань!” — рек Александр. Он встал — да только раком» [19, с. 68].

Так как О. Пржецлавский был невысокого мнения о моральных качествах сотрудников Сената, он активно искал возможность повлиять на мнение «главной пружины делового механизма — обер-секретаря» [17, с. 49]. Однако обер-секретарь Вилинский оказался честным человеком и убегал от желающих переговорить с ним наедине в самом прямом смысле. Поведение Вилинского, которого товарищи называли «дикарем», вселяло в Пржецлавского надежду, что чиновник не пойдет на поводу у противников его дяди. Однако опасность пришла с другой стороны.

Выяснилось, что могущественный директор департамента юстиции И.Ф. Журавлев ранее был губернским прокурором в Вильне, где у него сложились близкие отношения с госпожой С., женой одного из подрядчиков. В период рассмотрения дела в Сенате эта женщина в связи со смертью мужа представляла противную Ф. Боржимовскому сторону. Не желая лишиться имения, она прибыла в Петербург, где Журавлев оказывал ей всевозможное покровительство. Если добавить, что кроме служебных у Журавлева были прекрасные личные отношения с министром юстиции Д. И. Лобановым-Ростовским (1817—1827), являвшимся од-

новременно генерал-прокурором Сената, то становится понятно, что шансы Пржецлавского выиграть дело становились призрачными [17, с. 50]. В таких обстоятельствах Ципринус решил использовать последнюю возможность повлиять на рассмотрение дела, раскрыв его детали обер-прокурору 1-го департамента Сената А. В. Казадаеву. Мемуарист характеризует его как человека умного, непоколебимой честности, храброго поборника правды [17, с. 51]. Личная встреча казалась невозможной, так как Казадаев уклонялся от общения с просителями. И все-таки встреча состоялась: Пржецлавского с Казадаевым соединила любовь к музыке. Оба они оказались слушателями одного и того же благотворительного концерта. В результате конфиденциального разговора Казадаев принял сторону дяди Пржецлавского. Под его влиянием 1-й департамент Сената постановил взыскание казны «обратить первоначально на имущество С. и П. в совокупности; имение же Боржимовского подвергнуть взысканию лишь только в том случае и в такой мере, когда и насколько имущества обоих подрядчиков окажется недостаточно для удовлетворения казны» [17, с. 51—54]. Впоследствии Ципринус узнал, что его защитник нажил себе столь серьезного врага в лице Журавлева, что вынужден был подать в отставку.

В воспоминаниях О. Пржецлавского уделяется внимание деятельности еще одного подразделения Сената Российской империи — герольдии. Вопрос о взаимоотношениях с герольдией Сената остро встал для шляхты ВКЛ на рубеже 1820—30-х гг. В феврале 1828 г. Николай I возобновил требование Павла I об обязательном утверждении герольдией решений губернских дворянских депутатских собраний о дворянском происхождении [12, т. 3, № 1773]. Восстание 1830—1831 гг. вызвало резкую перемену политического курса по отношению к Беларуси, Литве и Правобережной Украине. Убедившись в политической неблагонадежности местного высшего сословия, правительство Николая I решило кардинальным образом решить проблему мелкой шляхты, лишив ее сословной принадлежности к дворянству. Указ от 19 октября 1831 г. «О разборе шляхты в Западных губерниях и об устройстве сего рода людей» создавал новые группы — однодворцев и граждан, в которые должны были быть записаны все лица, не доказавшие свое дворянское происхождение [12, т. 6, № 4869]. В таких обстоятельствах герольдии Сената принадлежала решающая роль в определении будущего шляхтичей западного региона империи. Вместе с тем сама герольдия не представляла собой учреждения, готового к решению столь грандиозной задачи.

Во-первых, не был четко определен ее статус. Герольдия имела статус коллегии, являясь одновременно структурным подразделением Сената. Никто из сенаторов не был лично ответственным за итоги ее работы [7, с. 318]. По одной части дел окончательные решения принимались в общем присутствии Сената, по другой — в его 1-м департаменте, по третьей — в самой герольдии [7, с. 313]. Сенаторы были перегружены делами тех департаментов, в которых они, собственно, и состояли на службе, дела других подразделений рассматривались по остаточному принципу. Герольдия имела права самостоятельно отказывать в утверждении в дворянстве и в то же время должна была докладывать Сенату об утверждении в нем. В результате случалось раздробление однородных дел, когда один из братьев утверждался в дворянском достоинстве, а другой получал отказ [7, с. 318]. Несмотря на многочисленные ходатайства министра юстиции, Николай I долго не соглашался на повышение статуса герольдии. В качестве самостоятельного департамента Сената она начала действовать 12 июля 1848 г. [12, т. 23, № 22 578].

Во-вторых, численность сотрудников герольдии не соответствовала тому количеству дел (речь шла о сотнях тысяч шляхтичей), которые она должна была рассматривать в русле реализации политики «разбора». Несмотря на неоднократные реорганизации аппарата и увеличение штата, численность служащих к 1834 г. составила лишь 58 человек [7, с. 316]. В апреле 1834 г. на учреждение была возложена обязанность осуществлять ревизию решений губернских дворянских депутатских собраний об утверждении в дворянстве. В результате герольдия оказалась буквально заваленной делами, поступавшими из ревизионных комиссий. К 1839 г. их накопилось 18 тыс. [7, с. 315, 316]. В 1840-е гг. герольдия обрабатывала около 16 тыс. дел ежегодно, но проблема ликвидации очереди на рассмотрение дел так и не была решена [7, с. 323].

О. Пржецлавский в своих воспоминаниях обращает внимание на еще один существенный недостаток в работе герольдии: ее сотрудники были не подготовлены для того, чтобы разбираться в документах, родившихся не просто в другом государстве — в другой общественно-политической системе. Никто из членов герольдии не обладал специальными историческими знаниями для решения запутанных дел о дворянстве шляхты западных губерний. Такое положение открывало обширное поле для произвола, чем пользовались члены герольдии в корыстных интересах [16, с. 38]. Министр юстиции Российской империи граф В. Н. Панин (1841—1862) вскоре после назначения на должность обнаружил назван-

ную проблему и велел во всех спорных делах о происхождении уроженцев бывшей Речи Посполитой (РП) запрашивать заключение министра-статс-секретаря Царства Польского И. Туркула. Последний не был достаточно компетентен в подобных вопросах, в связи с чем перепоручал их разрешение третьим лицам в частном порядке. Таким образом, О. Пржецлавский, Ф. Малевский и Ц. Заборовский, официально не имевшие отношения к герольдии, были вовлечены в работу по составлению полного списка званий и должностей, которые в РП имели право занимать исключительно лица благородного сословия [16, с. 38, 39]. Подчеркнем, что работа в этом направлении активизировалась уже в 1840-е гг., т. е. через десять лет после выхода указа от 19 октября 1831 г., определившего порядок и сроки «разбора шляхты» в Российской империи.

Таким образом, в своих воспоминаниях Пржецлавский (Ципринус) раскрывает целый ряд проблем, которые тормозили работу высшего государственного учреждения Российской империи — Сената: отсутствие свода законов, на который сенаторы и канцелярские служащие могли бы опираться в своей работе; недостаточность теоретической и практической подготовки сенаторов для выполнения судебных функций; слишком малый объем штата учреждения относительно поставленных перед ним задач; обер-секретари как главная пружина делового механизма департаментов Сената; служащие герольдии Сената были некомпетентными в вопросах происхождения представителей шляхты РП, но они были облечены правами принимать решения о принадлежности к дворянскому сословию, что рождало многочисленные ошибки и злоупотребления; на всем протяжении 30-х гг. XIX в. не были определены четкие критерии работы герольдии по реализации политики «разбора шляхты». «Разбор» оказался такой задачей, к выполнению которой члены герольдии не были готовы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Бартнев П. И.* По поводу воспоминаний г-на Ципринуса // Рус. архив. 1873. Кн. 6. Стлб. 1052—1058.
2. *Бартнев П. И.* Сеньковский и Мицкевич // Рус. архив. 1873. Кн. 4. Стлб. 632—638.
3. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / publ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтבלата. М.: Новое лит. обозрение, 1998.
4. *Вяземский П. А.* Мицкевич о Пушкине (по поводу издания в свет посмертных сочинений Мицкевича). Статья, присланная из-за границы // Рус. архив. 1873. Кн. 6. Стлб. 1057—1088.

5. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высш. шк., 1968.
6. Императорская публичная библиотека за сто лет: 1814—1914 / ред. Л. Ф. Кобеко. СПб. : Тип. В. Ф. Киришаума, 1914. XXVI, 30 ил.
7. История Правительствующего сената за двести лет. 1711—1911 : в 5 т. СПб. : Сенат. тип., 1911. Т. 3 : Правительствующий сенат в XIX столетии до реформ 60-х годов.
8. *Кукольник П. В.* Анти-Ципринус. Воспоминания о Н. Н. Новосильцеве // Рус. архив. 1873. Кн. 2. С. 203.
9. *Полевой Н. К.* Два года, 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губернии // Рус. старина. 1910. № 1. С. 47—63.
10. Положение о управлении Императорскою публичною библиотекою от 14 октября 1810 г. // Акты, относящиеся до нового образования Императорской библиотеки. СПб. : Тип. губерн. правления, 1812. С. 5—12.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830—1847.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе : в 55 т. СПб. : Тип. II отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830—1884.
13. Поляки в Петербурге в первой половине XIX в. / сост., предисл., подгот. текста воспоминаний О. А. Пржещлавского и коммент. А. И. Федуты ; пер. воспоминаний С. Моравского, Т. Бобровского и А.-Г. Киркора с пол. Ю. В. Чайникова. М. : Новое лит. обозрение, 2010.
14. Николай Николаевич Новосильцев // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 1. С. 92—142.
15. Цензура. 1830—1865 // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 1. С. 207—291.
16. Игнатий Туркул, министр Царства Польского. 1797—1857 // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 2. С. 5—40.
17. Воспоминания. 1818—1831 // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 2. С. 41—101.
18. Фаддей Бенедиктович Булгарин // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 2. С. 212—229.
19. *Тынянов Ю. Н.* Пушкин. М. : Худож. лит., 1987.
20. *Фядута А.* Восіп Пшацлаўскі і яго ўспаміны // Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прадм., камент. і імен. паказ. А. Фядуты ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 1. С. 5—24.
21. *Фядута А.* Перамога і параза здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына // Булгарын Ф. Выбранае / уклад., прадм., камент. А. Фядуты. Мінск : Беларус. кнігазбор, 2003. С. 5—42.
22. *Швед В. В.* Масоны і ложы на землях Беларусі (канец XVIII — першая чвэрць XIX ст.) : біяграф. слоўн. Гродна : ГрДУ, 2007.
23. *Юзефович М.* Ответное слово г-ну Пржещлавскому // Рус. архив. 1873. Кн. 2. Стлб. 0201—0218.